

2018/5(81)

Древняя Древославян

Священномученик Симон (Шлеев). 1918–1920 годы

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ИСТОРИЯ ЕДИНОВЕРИЯ. Н.П. Зимина. Столетие архиерейской хиротонии первого единоверческого епископа священномученика Симона (Шлеева) Охтенского **2**. ЛЕТОПИСЬ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ЖИЗНИ **10**. ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ. П.Г. Чистяков. Главы из книги о чудотвор-

ной иконе Божией Матери Иерусалимской **18**. ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ. А. Борзых, Л. Перфильева. Дневник Б.В. Шергина **25**. СТРАНИЦЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА. И. Сургучев. Детство Императора Николая II (По воспоминаниям В.К. Олленгрэна). Публикуется в сокращении **28**.

ИСТОРИЯ ЕДИНОВЕРИЯ

СТОЛЕТИЕ АРХИЕРЕЙСКОЙ ХИРОТОНИИ
ПЕРВОГО ЕДИНОВЕРЧЕСКОГО ЕПИСКОПА СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
СИМОНА (ШЛЕЕВА) ОХТЕНСКОГО

НА ОХТЕНСКОЙ КАФЕДРЕ

Продолжение, начало в номере 4 (80)

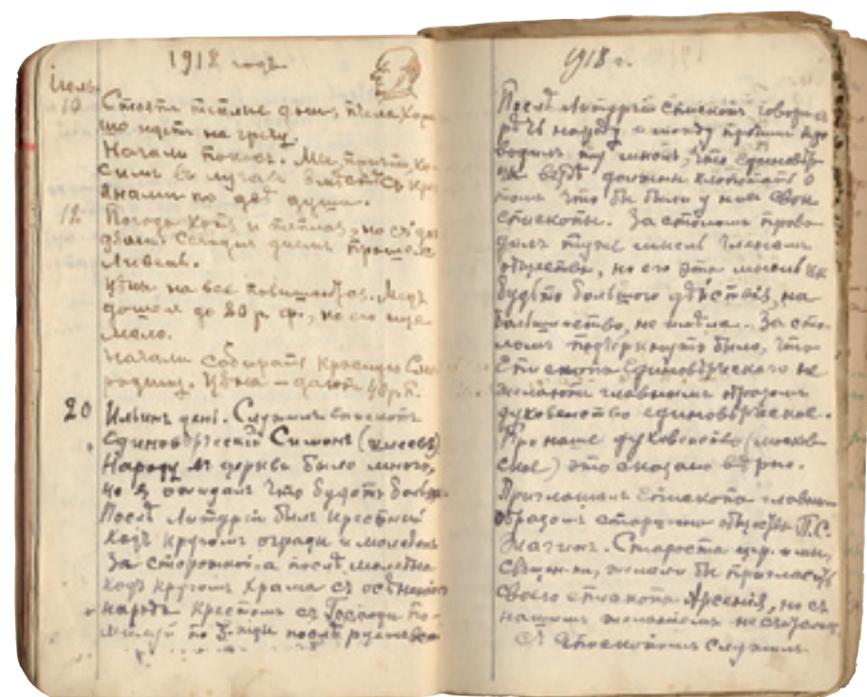
На плечи епископа Охтенского легло бремя новых забот, отягченных началом гражданской войны и общим наступлением на Церковь безбожной власти.

Никольская единоверческая, на Николаевской улице, церковь после возведения ее настоятеля во епископа фактически превратилась в кафедральный собор. Однако сведений о жизни Никольского прихода в это время и о деятельности епископа Охтенского нам известно не много.

Вскоре после хиротонии, 24 июня (7 июля?) 1918 года Владыка Симон участвовал в деянии Нижегородского Епархиального собрания по выборам епархиального архиерея. Собрание проходило в кафедральном Преображенском соборе в присутствии митрополита Владимирского Сергия (Старгородского), епископа Волоколамского Феодора (Поздеевского), викария Московской епархии, епископов Юрьевского Евгения (Мерцалова) и Муромского Митрофана (Загорского), викариев Владимирской епар-

хии, епископа Охтенского Симона. В выборах участвовали священники и миряне в числе 324 человек. За кандидатов на Нижегородскую кафедру было подано: за митрополита Тифлисского Кирилла (Смирнова) — 216 голосов, за епископа Лаврентия (Князева) — 103 голоса, за епископов Макария, Евгения и Варнаву — по 1 голосу и за епископа Геннадия — 2 голоса.

Сохранился интереснейший документ, свидетельствующий о том, что архипастырская деятельность Владыки Симона обнимала собой не только приходы Охтенской кафедры Петроградской епархии: по приглашению единоверцев и, безусловно, с благословения епархиальных архиереев он совершал архиерейские богослужения в других епархиях, а также для других епархий рукополагал единоверческих клириков. Тем самым сама церковная жизнь ответила на острейший момент соборной дискуссии о единоверческих епископах и подтвердила возможность окормления одним епископом едино-

Страницы дневника священнослужителя храма Архангела Михаила протоиерея Стефана Смирнова с описанием посещения Михайловской Слободы епископом Симонем

верческих приходов на территории нескольких общеправославных епархий. Документ, о котором идет речь — это странички дневника настоятеля подмосковной Михаило-Архангельской единоверческой церкви села Михайловская Слобода протоиерея Стефана Смирнова, далекого, судя по всему, от споров по острым вопросам единоверия. Обратимся к записям за июль 1918 года (датировка в дневнике по старому стилю):

10 июля. Стоят теплые дни; пчела хорошо идет на гречу. Начали покос. Мы, причт, косим в лугах вместе с крестьянами по две души.

12 июля. Погода хотя и теплая, но с дождеми. Сегодня днем прошел ливень. Цены на все повышаются. Мед дошел до 20 р. ф., но его еще мало. Начали собирать красную смородину. Цена — дают 40 р. п.

20 июля. Ильин день. Служил Епископ Единоверческий Симон (Шлеев). Народу в церкви было много, но я ожидал, что будет больше. После Литургии был крестный ход кругом ограды и молебен за сторожской, а после молебна ход кругом храма с осенением народа крестом с «Господи поми-

луй» по З-жды после «рцем вси». После Литургии епископ говорил речь народу и между прочим проводил ту мысль, что единоверцы везде должны хлопотать о том, чтобы были у них свои епископы. За столом проводил ту же мысль членом общества, но его эта мысль как будто большого действия на большинство не имела. За столом подчеркнута было, что Епископа Единоверческого не желают главным образом духовенство единоверческое. Про наше духовенство (московское) это сказано верно. Приглашал Епископа главным образом старшина общества П.С. Жагин.

Староста церкви и мы, священники, желали бы пригласить своего епископа Арсения, но с нашим желанием не считались. С Епископом служил Протоиерей Гр. Шлеев, мы с о. Иваном, о. дьякон Сунгуров и наш диакон. Пели свои певчие; пели сносно.

За Литургией рукополагали в сан диакона Симеона Илларионова к Троицкой церкви села Загорья Псковской Епархии.

Канитель большая — служба Архиерейская...

21 июля. Сегодня Епископ Симон в 7 ч. утра уехал от меня. За иподиакона с епископом служил Григ. Иван. Сандин.

Протоиерей Стефан Смирнов у дома старшины Михаило-Архангельского единоверческого общества Павла Степановича Жагина

Пчела идет на гречу хорошо. Погода теплая с дождиками.

Идя навстречу единодушной просьбе прихожан своей церкви, Владыка Симон согласился и после хиротонии еще какое-то время оставаться в должности директора реального единоверческого училища. Однако вскоре пресса назвала директором учебных единоверческих заведений при Никольской церкви В.И. Комарницкого. Власти приступили к проведению в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», и летом 1918 года директор Комарницкий донес епископу Симону, что вверенные ему учебные заведения посетил ревизор Комиссариата народного просвещения и заявил, что к 1 августа должны быть вынесены из всех классов иконы и прекращено преподавание Закона Божия, а также, что с нового учебного года предполагается ввести новую программу, в которую войдет и преподавание социализма. Комарницкий в ответ категорически заявил, что иконы из единоверческих школ вынесены быть не могут, что преподавание Закона Божия должно продолжаться и преподавание

в целом должно вестись по старой программе. На это ревизор ответил, что в таком случае обоим единоверческим учебным заведениям угрожает лишение государственной субсидии и прав государственных учебных заведений, а затем и закрытие. На экстренном собрании единоверческой общины было решено отказаться от государственной субсидии, а в случае закрытия училища и гимназии открыть при Никольской церкви конфессиональное пастырское училище с преподаванием общеобразовательных предметов.

Следующий известный нам эпизод из петроградской жизни Владыки относится уже к весне 1919 года. 30 апреля он обратился к митрополиту Вениамину с прошением за № 104 о присвоении настоятелю Никольской церкви «прав настоятеля хотя бы уездных городских соборов, во внимание к тому, что означенный храм является главным среди других церквей подведомственных Епископу Охтенскому», и с прошением за № 105 «о возведении настоятеля Никольского храма священника Алексия Шеляпина в сан протоиерея с награждением его наперсным крестом». Высокопреосвященный Вениамин 16 мая пере-

Григорий Иванович Сандин (в будущем священник Григорий), казначей Совета Всероссийских съездов православных старообрядцев и иподиакон епископа Симона с супругой Анной Арсеньевой. Фото 1929 года

дал прошения в Св. Синод, который 26 мая принял следующее постановление, за № 746:

1) Николаевскому единоверческому храму, что на Николаевской улице в Петрограде, присвоить наименование соборного храма с правами уездных городских соборов, и

2) что же касается ходатайства Преосвященного Симона о возведении настоятеля сего храма священника Алексия Шеляпина в сан протоиерея и о награждении его крестом, то так как названный священник является лишь исполняющим обязанности настоятеля помянутого храма, фактическим же настоятелем является сам Преосвященный Симон, который занимает помещение настоятеля и получает положенное по

должности содержание, суждение по указанному ходатайству Преосвященного Симона иметь по освобождении им, Преосвященным, настоятельской должности при указанной церкви; о том, для зависящих распоряжений, послать Преосвященному Митрополиту Петроградскому указ.

Соответствующее распоряжение Петроградского епархиального совета последовало 11 июля 1919 года.

Архивы Санкт-Петербурга хранят еще множество неисследованных страниц истории Никольского храма и деяний единоверческого епископа Охтенского, завершавшего в 1920 году свое служение в теперь уже бывшей Северной столице.

ГОД 1920-Й.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ СЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА

За период с 1918-го по 1920-й год Церковь потеряла более 20 епископов вследствие невыносимых тягот и лишений жизни, голода, тифа и других болезней. Имена 22-х архиереев Церковь внесла в синодик священномучеников.

Вследствие столь тяжких потерь возникли серьезные проблемы с управлением епархиями, которые в 1920 году осложнились еще и тем обстоятельством, что после поражения белых армий около 20 архиереев

вынужденно покинули Россию. Еще в 1918 году Поместный Собор определил увеличить число архиерейских кафедр и открыть в каждой епархии викариатства. В целях сохранения в Церкви епископов, носителей преемственной апостольской благодати, и следуя решениям Собора, Святейший Патриарх Тихон в 1919 году совершил 14, а в 1920-м — 30 архиерейских хиротоний. Однако этими мерами проблеме решить не удалось, поскольку многие из оставшихся в живых и находящихся в пределах Отечества архипастырей в 1919–1920-м годах томились в тюрьмах. На период их заключения Святейший был вынужден посылать на места временно управляющих делами.

В 1920 году в заключении находился и епископ Уфимский Андрей (Ухтомский), оставивший епархию вместе с отступавшей армией Колчака. Однако Владыка Андрей не считал для себя возможным бросить любимую уфимскую паству и эмигрировать после разгрома белого движения. Он остался в России и в декабре 1919 года был арестован в Сибири. Следствие вела Омская ЧК, которая не собиралась выпускать из своих рук «активного контрреволюционера», открыто провозглашавшего новую власть антихристовой и благословлявшего белое движение. О быстром освобождении Владыки Андрея не могло быть и речи.

Вот почему в апреле (начале мая?) 1920 года Святейший Патриарх Тихон благословил епископу единоверческому Охтенскому Симону временное архиерейское служение на православной Уфимской кафедре. О таком доверии, о таком признании равноправности и равночестности своих убеждений и своей иерархии единоверцы до революции не могли и помыслить. Скорби и невиданные еще в истории Вселенской Церкви гонения в краткий миг разрушили вековые преграды, оказавшиеся мелкими и несущественными перед лицом настоящего врага — торжествующей, воинствующей, жаждущей расправы и крови антихристовой власти.

Расставшись с Петроградом, епископ Симон приехал в Москву — для прощания с родными перед дальней дорогой и по делам: в соединенном присутствии высших органов церковного управления должен был рассматриваться вопрос о назначении Владыке путевого пособия. Постановление № 167 от 3 мая 1920 г., подписанное св. Патриархом Тихоном, митрополитами Сергием и Кириллом, архиепископом Никандром, епископами Алексием и Александром, протопресвитером И. Любимовым и протоиереем А. Станиславским, гласило:

По благословению Святейшего Патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета в соединенном присутствии имели суждение о назначении Епископу Охтенскому Симону, командированному для временного управления Уфимской епархией, путевого пособия.

ПОСТАНОВЛЕНО: Назначить Епископу Охтенскому Симону в путевое пособие десять тысяч рублей из сумм на содержание епархиальных и викариальных Преосвященных.

Можно предполагать, что епископ Симон отправился в Уфу сразу после получения путевого пособия. По воспоминаниям Алексея Михайловича Шатрова, председателя единоверческой общины на Рогожском кладбище, провожать Владыку на Рязанский вокзал в Москве пришли многие — иноки, инокини, священство, прихожане — духовные чада, и не только единоверцы — все православные, хорошо знавшие и любившие его. Многие были в гражданской, мирской одежде, чтобы не привлекать особого внимания властей и не подвергать архипастыря опасности. Несколько человек плакали. Сам Владыка что-то оживленно обсуждал со стоящими рядом людьми, кому-то кивал. Стояло множество узелков, корзин, видимо, собранных для него прихожанами, но после обнаружилось, что все они остались на перроне. До самого отхода поезда Владыка благословлял подходивших к нему, говоря каждому по несколько слов. Никто не предполагал, что видит его в последний раз.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Владыка Симон навсегда простился с обеими столицами. Но он оставил о себе такую любовь, какая не угасла за 80 прошедших лет, и такую память в сердцах человеческих, которая сохранилась и дошла до нас в бережно передаваемых от уходящих поколений к последующим воспоминаниях людей, лично знавших Владыку. Воспоминания эти принадлежат не петербургским единоверцам, а москвичам. Именно сюда, в Москву часто приезжал Владыка Симон еще до своей епископской хиротонии. Здесь, в древней столице, служил его двоюродный брат единоверческий протоиерей Григорий Шлеев, настоятель Троице-Введенского собора на Новоблагословенной, благочинный единоверческих церквей Московской епархии. В этом же храме служил сын о. Григория — священник Иоанн Шлеев, в доме которого Владыка обычно останавливался во время приездов. Воспоминания детей и внуков о. Григория, а также А. М. Шатрова свято сохранил в своей памяти и поведал нам отец-игумен Иринарх (Денисов), настоятель Михаило-Архангельской единоверческой церкви в Михайловской Слободе Раменского района Московской области.

Встречами с прихожанами этого храма, рассказавшими о епископе Симоне, мы также обязаны любви о. Иринарха к памяти Владыки.

Горячность, ревностность о деле единоверия, полемический задор («неистовость», как писали враждебно настроенные авторы) — все эти свойства характера Владыки ярко проявлялись в дискуссиях на съездах и на страницах печати. В пастырской же жизни Господь даровал Своему избраннику глубокий духовный мир и любовь к людям, евангельские мудрость и простоту.

«Владыка был очень смиренный, — рассказывал Михаил Григорьевич Шлеев, сын о. Григория, — и никогда не раздражался, никогда невозможно было увидеть каких-либо эмоций; он так откровенно никогда не

радовался, чтобы дело доходило до смеха, но и никогда не гневался, всегда был ровным и кротким. А отец Григорий был горячий и вспыльчивый. Так что отец Григорий и отец Симеон два разных человека были, совершенно противоположны. Но в чем-то у них было общее устремление, в чем-то они были очень похожи — в вопросах веры и благочестия». Родные вспоминали, что несмотря на то, что отец Григорий был свой, московский благочинный, его боялись, а отца Симеона любили; к отцу Григорию испытывали страх как к строгому администратору, а к Владыке благоговение имели. «В словах Михаила Григорьевича всегда чувствовалась особая теплота при воспоминании имени епископа Симона, — рассказывал отец Иринарх. — В личной беседе в тесном кругу близких знакомых Михаил Григорьевич почему-то не говорил официально "Владыка Симон", а всегда называл или "Владыка" или "наш Владыка". И когда он произносил эти слова, всегда трепет или какая-то неземная радость посещала его. Он всегда произносил это имя с особым благоговением, и всегда его лицо было радостным, когда он произносил имя Владыки».

А. М. Шатров хорошо помнил Владыку Симона, поскольку, приезжая в Москву, последний непременно служил в Никольской церкви на Рогожском кладбище. По его словам, Владыка был искусным проповедником, на его проповедях стояла необыкновенная тишина, все боялись пропустить даже слово. Москвичи вспоминали об особой благодатности богослужения Владыки, еще в бытность его священником:

Когда Владыка приезжал в Москву, то совершал богослужение во Всехсвятском единоверческом монастыре, где были его духовные чада. Владыка обладал прекрасным голосом. Когда он совершал Божественную литургию в соборе монастыря, служба была особо проникновенная. Каждое слово его молитвы, каждый возглас доходили до сознания верующих.

Хор Никольского единоверческого храма при Рогожском кладбище в Москве.
Клирошанки, чьи воспоминания приведены в тексте: седьмая слева — Юлия Ивановна Ерина,
девятая слева — Евдокия Ефимовна Чиркова, шестая справа — Надежда Алексеевна Козленкова,
седьмая справа — Екатерина Степановна Журавлева

А. М. Шатрову запомнилась одна беседа, происходившая примерно в 1917 году на Рогожском кладбище в доме причта, который примыкал к колокольне. Дом был построен церковным старостой купцом Владимиром Сапелкиным и использовался для торжественных церемоний. Здесь-то и происходила памятная беседа-чаепитие. Алексей Михайлович тогда стал сокрушаться о безрелигиозности части тогдашней молодежи, а отец Симеон сидел, склонив голову, и внимательно его слушал. Когда говоривший кончил, батюшка обратился ко всем присутствовавшим за трапезой — их было человек двадцать: «Из наших церквей уходят и в православные не идут. Нельзя отказываться от наших старых традиций. Послабление духу приводит к послаблению веры. Вера должна быть крепкая. Ослабнет обряд — ослабнет вера. Скоро все наводнит безверие, уже наводнило, а это надо остано-

вить. Это сможет сделать единоверческий епископ — убеждением, своим примером; убеждением, — еще раз повторил отец Симеон. — Необходимо поддержать веру в народе. Все православные должны быть вместе. Все обвиняют меня в амбициях, в стремлении к расколу. Как же так?» — спросил он и тяжело вздохнул.

А вот совсем другие воспоминания, скорее зарисовки жизни единоверческого храма. Екатерина Степановна Журавлева в юности жила в Москве (родилась она в 1901 году) и была прихожанкой Троице-Введенского собора, где служил отец Григорий Шлеев; пела здесь же в церковном хоре. Владыку Симона она очень почитала и неоднократно рассказывала следующую историю:

Я совсем девочкой была тогда, поэтому много не помню. Запомнился голос отца Симеона — очень

хороший, сильный, у него был баритональный тенор. Как-то вместе с остальными певчими я выходила из храма, и отец Симеон, подойдя, похвалил нас за пение, а меня спросил: «Давно ли тебя поставили на клирос?» Я ответила, что пою пять месяцев. Тут подошел настоятель храма, отец Григорий, и отец Симеон еще раз похвалил: «Хорошо, очень хорошо». На этом наша короткая беседа закончилась. В начале двадцатых годов она невольно всплыла у меня в памяти, когда среди московских единоверцев прошла новость, что Владыку Симона убили в Уфе на Преображение. Многие, кто знал его хорошо, плакали. Начиналась эпоха гонений, мы потеряли своего любимого епископа.

Александра Степановна Богомолова (1905–1986), дочь регента Троице-Введенского собора Степана Кондратьевича, вспоминая о детских годах, как-то рассказала, что на третий день по Рождеству Христову всех детей, кто пел в церковном хоре собора, в том числе и ее, отец Симеон, приехавший в Москву, угощал сладостями. Александра Степановна говорила примерно так:

Нас было много детей, а отец Симеон каждому сам давал сладости, все доставал откуда-то и доставал.

Владыка предстает в воспоминаниях не только добрым пастырем, но также строгим аскетом и большим молитвенником. Юлия Ивановна Ерина (дочь о. Иоанна Шлеева) помнила Владыку Симона с детства. Она рассказывала, что когда Владыка приезжал в их дом, то ему отводилась отдельная комната, и всю ночь он проводил в молитве. Дверь бывала закрыта неплотно, и Юлия Ивановна видела, что в его комнате горели свечи, ощущала запах ладана. И вот, сколько времени Владыка находился в их доме, так всегда это было, и только под утро свечи гасли. Можно предполагать, что ночи эти проходили в горячей подвижнической молитве. Не только Юлия Ивановна это видела, об этом говорили и другие домашние. В то время, когда Владыка не был еще иноком и не был

епископом, он, по словам Михаила Григорьевича, никогда не употреблял ни мясо, ни спиртные напитки, всегда кушал помалу, говорил, что надо выйти из-за стола так, чтобы еще кушать хотелось, так вот надо обедать.

Через столько прошедших лет Господь привел нас к людям, сохранившим воспоминание о случае чудесного исцеления по молитве отца Симеона Божией Матери. «В детстве я ездила с родителями в Москву и с ними ходила на службу в единоверческий храм, — рассказала Надежда Алексеевна Козленкова, 1904 года рождения, прихожанка Михайло-Архангельского храма села Михайловская Слобода. — Слышала, как родителям рассказывали случай, что петербургский священник отец Симеон, брат отца Григория, был приглашен в дом служить молебен за больного, который был в жару, ноги у него распухли, даже по дому ходить перестал. Отец Симеон отслужил молебен пред иконой Божией Матери "Всех скорбящих Радость", потом присел у постели больного, предложил ему заснуть. А когда тот заснул, батюшка ушел. Когда больной проснулся, никакой болезни не было, ходил как ни в чем не бывало, и жар прошел. Рад он был, что ему посоветовали пригласить отца Симеона».

Бывая в древней столице, отец Симеон всякий раз приезжал служить еще в один центр единоверия — московский Всехсвятский единоверческий женский монастырь/.../ Спустя много лет о его посещениях вспоминала Евдокия Ефимовна Чиркова, бывшая воспитанница обители, келейница матушки-игумении, человек глубокой веры и преданности Церкви. Евдокия Ефимовна пришла в обитель в возрасте 14 лет и прожила там 10 лет. Обладая чудесным голосом, редкостными познаниями в музыкальной науке, она от юности своей начала послушание на клиросе, прерванное закрытием монастыря в 1920-х годах. Впоследствии на протяжении 60 лет она являлась бессмен-

ным регентом Никольской единоверческой церкви на Рогожском кладбище.

«У нас отца Симеона знали очень хорошо, поскольку он часто приезжал в Москву до революции, — рассказывала Евдокия Ефимовна, — у московских единоверцев он пользовался уважением. Строгий был батюшка. Любил, чтобы все в храме по уставу было. И очень его за то любили. В храме на службе строгий был, но с прихожанами говорил просто, не свысока. В монастыре о нем говорили как о горячем молитвеннике, добром и отзывчивом человеке. Многие инокини монастыря были духовными чадами отца Симеона. Когда у кого какие трудности были, отец Симеон старался немедленно помочь, откладывал свой отъезд в столицу, где он служил в Никольской единоверческой церк-

ви. А уж когда проблема разрешится, тогда поедет. Очень отзывчивый был.

Когда в Москву приезжал, то непременно служил во Всехсвятском единоверческом монастыре. А прихожане-единоверцы заранее старались узнать, когда он приедет. На Божественной Литургии часто проповеди говорил. Благодетель у него было непоказное. Ревностный сторонник старого обряда был, но и современное Православие не ругал. Новообрядчеством его не любил даже называть, а просто говорил "православные". Пренебрежительно никогда не относился к ним. Отец Симеон говорил, что единоверцы должны оставаться единоверцами, но должны быть в лоне Вселенской Соборной и Апостольской Церкви» /.../

Продолжение следует

Нина Павловна Зимина

ЛЕТОПИСЬ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

ВЛАДИМИР БАСЕНКОВ. ПРЕСТОЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК СИМБИРСКОЙ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ

22 –23 июля в Симбирске Успенская единоверческая община праздновала день памяти святой равноапостольной княгини Ольги. В 2014 году приснопамятный митрополит Прокл благословил православным старообрядцам совершать богослужения в этом храме, входящем в крупный комплекс во имя святого князя Владимира. Такое «гостеприимство» святой Ольги промыслительно и символично, ибо она — первая правительница-христианка Древней Руси, носительница русского православного благочестия.

Вот уже на протяжении трех лет ежегодно престольный праздник храма становится поводом для встречи в Симбирске единовер-

цев из ближайших епархий. И в этот раз богослужение и храмовые торжества посетили настоятель церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы села Малое Мурашкино священноинок Сергей (Гапонов) и настоятель храма святителя Николы города Кузнецка священноинок Варсонофий (Яшин). С духовенством прибыли и гости из мирян, членов общин. На клиросе руководил пением и уставом богослужения головщик Серафим Водопьян.

К сожалению, молодая симбирская община пока не имеет своего священника. Навык практики богослужения беспоповским чином, безусловно, дает свои плоды: прививает прихожанам чувство ответствен-

Священноиноки Сергей (Гапонов) (третий слева в первом ряду) и Варсонофий (Яшин) (пятый слева в первом ряду) с симбирскими единоверцами и гостями праздника

ности, носит образовательный характер, повышает самосознание членов общины. Нет самого главного: регулярной Божественной литургии, безотрывного духовного окормления, совершения Таинств... Слава Богу, тесная связь между единоверцами дает нам возможность приглашать отзывчивых священников для совершения богослужения по древнерусскому чину.

Тот факт, что общину «приютил» храм во имя святой великой равноапостольной княгини Ольги свидетельствует, что ныне мы находимся под ее небесным покровительством. И если даст Бог, у общины появится свой Успенский храм, тогда мы продолжим чествовать княгиню, собирая на этот праздник наших братьев из других епархий.

СВЯЩЕННИК МАКСИМ МАЛЬЦЕВ. АРХИЕРЕЙСКОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ В КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОМ ЕДИНОВЕРЧЕСКОМ ХРАМЕ ГОРОДА КУЗНЕЦКА

11 августа 2018 года Преосвященный Нестор, епископ Кузнецкий и Никольский, возглавил Божественную литургию по древнерусскому богослужебному чину в Крестовоздвиженском едино-

верческом храме Кузнецка. Торжественное богослужение было приурочено к празднику Рождества святителя Николы Чудотворца.

В богослужении принял участие гость Кузнецкой епархии — Преосвященный

Епископы Нестор и Вениамин с участниками торжества

епископ Ардатовский и Атяшевский Вениамин.

За Божественной литургией владыкам Нестору и Вениамину сослужили священнослужители из семи епархий Русской Православной Церкви – Московской, Кузнецкой, Ардатовской, Саратовской, Саранской, Барышской (Симбирская митрополия), Лысковской (Нижегородская митрополия). Множество молящихся, собравшихся почтить святителя Николая, не поместились в храме, часть людей молилась в церковном дворе. Многие в этот праздничный день причастились Святых Христовых Таин.

По окончании богослужения епископы Нестор и Вениамин поздравили всех молящихся с праздником святителя Николая Чудотворца и поблагодарили за совместную усердную молитву.

От настоятеля священноинока Варсонофия (Яшина) и прихожан Крестовоздвиженского прихода Преосвященным епископам были подарены иконы Спаса Вседержителя и святителя Николая.

Преосвященный епископ Нестор передал в дар приходу икону Божией Матери «О тебе радуется», написанную с образца XVI века.

Все участники торжества отметили, что совместное служение клириков многих епархий нашей Церкви, возглавляемое Преосвященным владыкой Нестором, являет зримое единство всех чад Церкви, принадлежащих к разным богослужебным традициям, и надеются, что эта традиция совершать Божественную литургию в день древнерусского праздника сохранится.

Епископы Нестор (справа) и Вениамин

ФИЛИПП КАЛИНГТОН. МОЙ ПУТЬ К ИСТИННОЙ ВЕРЕ

Для того чтобы читатели могли лучше понять мой путь к истинной вере, мне необходимо хотя бы кратко рассказать о себе. Не для того, чтобы привлечь внимание к моей особе, но чтобы лучше понять произошедшее со мной. Я родился в Швеции в польской католической семье, в которой религиозность ограничивалась посещением церкви на праздники Рождества Христова и Пасхи, а также наличием немногих предметов религиозного назначения дома. Другими словами, я думаю, мы были подобны большинству современных католических семей (и смею сказать также и православных). По материнской линии моя семья родом из Румынии и мой дедушка был крещен в Православной Церкви, его маму — мою прабабушку звали Парасковия Попеску. Все мои годы юности и молодости я был профессиональным футболистом. Все годы моего отрочества и ранней молодости я жаждал обрести истину, искал более глубокий и подлинный смысл жизни. С юных лет я понимал своим сердцем, что истина — это не абстрактная идея, но Сам Христос, но это не препятствовало мне изучать другие направления мысли. Каждого католика учат тому, что католицизм — это самая древняя форма христианства, которая в целости сохранила самое древнее вероучение. Поэтому я решил добраться до самых корней древней веры в католичестве. Я поступил в иезуитский университет в Уппсале с целью узнать как можно больше о вере и особенно о самой ранней истории веры. Не вдаваясь во все подробности моих исканий, скажу кратко: я нашел православие. Чем сильнее я углублялся в поисках истины, тем ближе становился к православию. Почему же это произошло? Есть древнее латинское выражение «закон молитвы есть закон веры», и во всем я видел, насколько католичество богато теориями и идеями, академическими

и рациональными попытками объяснить веру, настолько же оно бедно в исполнении этих идей в жизни и молитве. Существовал огромный (и я бы сказал фатальный) разрыв между тем, что мы изучали и хранили на бумаге, и тем, что совершалось в действительности на каждой церковной службе. Православие же вновь и вновь показывало мне, насколько близкой является связь между вероучением и богослужением, между ними вовсе нет разрыва, и богослужение является чистейшим и наилучшим способом выражения веры. Чем больше я узнавал о древней истории христианства, тем больше моя душа, мое сердце и мой разум стремились к православию. Очень важно заметить то, что решающим фактором стало осознание того, что католичество по некоторым вопросам пребывает в ереси, изучение истории древней Церкви помогло мне понять это.

Представить только, польский католик обращается в православие, «русскую веру», как ее иногда по невежеству называют в Польше! Такое происходит очень редко из-за болезненных проблем в истории отношений Польши и России (и всей Древней Руси). Без боязни ошибиться можно заметить, что многие католики отвергнут православие только потому, что их научили тому, что это «русская вера», примерно также, как Стоглавый собор 1551 года обобщенно говорил о «польской» вере, имея ввиду католицизм — мы все виноваты в этих чрезмерных упрощениях и стереотипах. Будучи поляком и православным, исторические связи между славянскими народами я чувствую намного глубже, чем в ту пору, когда был католиком. Народы, населявшие Восточную Польшу, современные Украину и Белоруссию, были объединены единой верой, получившей распространение от святых Кирилла и Мефодия. Вера эта в то время — до отпадения Рима от православия была верой Восточной Церкви.

Я был крещен в Копенгагене в храме Александра Невского Русской Православной Церкви за границей. Спустя немного времени я окончил католический университет и продолжил богословское образование в православном университете на Кипре. Обычно я говорю, что моим любимым предметом является история. С тех пор как я стал практикующим христианином и более того, с того времени, когда я стал православным, любовь к этому предмету не угасла, но сосредоточилась больше на истории Церкви. Я всегда осознавал то, что каждый православный христианин должен знать историю Церкви, и в эту канву входят и святые отцы и эпоха семи Вселенских Соборов. Я полагаю, что наша церковная история выражает наше вероисповедание, показывает нашу веру наилучшим способом.

Став православным христианином, я не прекратил заниматься историей Церкви, и эти занятия привели меня к изучению старообрядчества и трагедии раскола. Я почувствовал, что эта тема касается меня очень глубоко. И до этого я сильно интересовался Святой Русью, временами ее крещения, великими святыми, такими как преподобный Сергий и многими другими угодниками Божиими, в особенности выходцами Кирило-Белозерского монастыря. В большой мере это было обусловлено тем, что я искал свое духовное наследие и духовное наследие своего народа. Полагаю, что большинство современных историков согласны в том, что православие (в то время Византийская часть Церкви) присутствовало на польских землях в значительной мере еще до того, как польский народ стал королевством под главенством Римского папы. Развалины византийского собора девятого столетия в городе Кракове находятся рядом с руинами такого же древнего латинского собора, и это является одним из многих свидетельств того, что граница между Восточным и Западным христианством в областях северных славян проходила через польские земли. Некоторые предполагают, что первый польский король первоначально был крещен

Филипп Калинин в сербском храме святых равноапостольных Кирилла и Мефодия шведского города Мальме

в православии, ибо папские служители во время его католического крещения в 966 году указывали, что до этого король прошел какой-то, по их мнению, «языческий обряд подобный крещению, во время которого ему выстригали волосы» — эта часть обряда сохраняется в православии и донныне. Но оставим это на суд историков.

Когда я начал изучать историю раскола и старообрядчества, я почувствовал, что дораскольная Русь — это в духовном смысле мой дом. Почему старая вера так заинтриговала меня? Потому что я не мог просто изучить ее, я чувствовал, что я должен жить

Свято-Троицкий монастырь Сербской Православной Церкви вблизи Гетеборга (Швеция)

ею или по крайней мере пытаться это делать, для того чтобы по-настоящему понять. Легко прочесть «они делают много поклонов», но до тех пор пока ты сам не попробуешь их совершать, ты не сможешь понять, что они действительно значат для души (и тела!). Это был один из тех немногих случаев в моей жизни, когда я не желал просто изучить данное явление, я хотел научиться и жить по древнему благочестию. Мысль о том, что есть такие православные христиане, которые пытаются блюсти правила благочестия подобно тому, как было во времена преподобного Сергия Радонежского, была очень привлекательна для меня и я желал приобрести такой же духовный опыт. Я не хочу, чтобы меня неправильно поняли, несмотря на то, что я писал магистерскую диссертацию, посвященную теме раскола, я всегда стремился не только изучить старую русскую веру, но и жить ее идеалами, насколько это для меня возможно.

Возможно, некоторые читатели знают о том, что с помощью Божией я несколько раз посетил Михайловскую Слободу. Первая поездка туда состоялась в 2017 году на праздник святого пророка Илии. Это событие я не забуду никогда в жизни. Когда я вошел в храм Архангела Михаила, то был поражен чувством благоговейного страха. Такого страха, который многие ветхозаветные пророки испытали пред Богом и описывали словом «трепет». Я на самом деле вошел здесь на земле в дом Всемогущего Бога и этот дом был наполнен в своих физических границах молитвой и хвалой Господу. Святые отцы учат нас о том что, когда мы приносим молитвы Богу в наших церквях, Ангелы и Архангелы, Херувимы и Серафимы и все святые присоединяются к нам в этой хвале — именно это я почувствовал в Слободе, и такое случалось в моей жизни лишь в немногих местах. Как послы великого князя Владимира, войдя в храм Святой

Софии в Константинополе, сказали: «Мы не знаем, где находимся, на небе или на земле». Было бы неверным и неразумным утверждать, что такое святое чувство можно пережить только в Слободе или только в единоверческих приходах, я думаю, что все согласятся, что это не так. Но в самом исполнении старого обряда есть такие благоговение и дерзновение, которые делают возможным проявление подобных чувств. Даже если я и был испуган, это чувство очень скоро исчезло, ибо меня приняли многие верующие с любовью и уважением, с пониманием того, что я не знаю, когда и даже как правильно выполнить поклон, несмотря ни на что, на меня смотрели, как на брата по вере, и я смог присоединиться к чистейшей и величественнейшей хвале Господу. Кроме духовного измерения моего опыта, нельзя не сказать о физическом ощущении. Когда я вошел в церковь, то чувствовал, как будто бы попал в один из храмов, о которых читал в книгах о русских святых пятнадцатого века. Это было ощущение того, что наша святая вера вне времени, и именно там и тогда я понял весь смысл стремления сохранить в возможной полноте древний обряд и древнее благочестие в Церкви Христовой. Простите, если из прочитанного у вас появилось впечатление, что я делаю из Слободы или старого обряда духовных кумиров, это не так. Я просто делюсь собственным опытом того, что со мной произошло. Старый обряд — это гораздо больше, чем просто образ молитвы или длительность богослужений. Я могу с уверенностью сказать, что после моих посещений Слободы и часов, проведенных там, а также в некоторых других общинах, я понял, что старый обряд — это образ жизни. Глубокое осознание присутствия Божия и благоговение к Нему не так часто встречаются среди верующих, придерживающихся послереформенных обрядов, хотя, конечно же, встречаются и у них. Старый обряд выдвигает очень высокие требования к верующим.

Сам я тоже пытаюсь всеми силами жить согласно старому обряду в моей домашней

молитве и слышу немало вопросов от других православных о лестовке, которая выглядит несколько странной в их глазах. Но все вопрошающие реагировали очень положительно, как только я объяснял им о лестовке и о старом обряде.

Проживая в Швеции, я являюсь членом общины Сербской Православной Церкви, и хотя ее представители не совершают службу по старому обряду, они сохранили много древних традиций со времен святого Савы. Сербская Церковь во многом является неким смешением греческих и славянских церковных традиций. И русские и греки чувствуют себя как дома, находясь в Сербской Церкви и пребывая в диаспоре. Я полагаю, что эта характеристика является исключительно важной, ибо благодаря этому сохраняется и укрепляется единство веры даже за пределами православных стран.

Думается, что самой большой проблемой для старообрядчества за пределами России является полное незнание о нем. Во многом это понятно, так как в большинстве книг написано о том, что Патриарх Никон просто исправил богослужебные тексты, а те, кто этому сопротивлялся, были анафематствованы. К сожалению, это наиболее известная версия произошедшего, и тот факт, что Святая Русская Церковь приняла старый обряд и благословила его использование, остается совершенно неведомым за пределами России.

Старый обряд — это больше, чем один из многих обрядов. Я полагаю, что это был способ выражения нашими славянскими отцами своей веры и благочестия. Бесчисленное множество великих святых Святой Руси были представителями именно такого образа молитвы и жизни. Пусть Господь защитит нас и сохранит это богоданное сокровище — старый обряд и всех стремящихся спастись через него, спустя более 350 лет с тех пор, как он был объявлен неправильным.

Перевод протоиерея Евгения Саранчи

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ

ИЕРУСАЛИМСКАЯ ИКОНА БОГОМАТЕРИ
ИЗ БРОННИЦ*Продолжение, начало в номерах 1–4 (77–80)*ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ
ИСТОРИИ ОБ ИСЦЕЛЕНИЯХ*Бронницы. Въезд в город. Начало XX века. Из собрания Музея истории города Бронницы*

Как только началась эпидемия чумы, Дворцовая конюшенная канцелярия распорядилась, чтобы управляющие дворцовыми волостями регулярно сообщали о количестве заболевших и умерших. Благодаря этим рапортам, сохранившимся в дворцовом архиве, мы можем узнать о развитии эпидемии в подмосковных дворцовых селах и деревнях.

В Бронницах эпидемия чумы началась в сентябре 1771 года — в сущности, в те же дни, когда в Москве произошел Чумной бунт. Первый рапорт о начавшейся эпидемии управляющий Бронницкой волостью поручик Иван фон Крузе направил в Дворцовую конюшенную канцелярию 13 сентября. Сославшись на сведения, представленные бронницким сотским, он сообщал, что 6 сентября от чумы умер сын крестьянина Якова Емельянова Василий, а спустя три

дня, 9 сентября, умерли крестьянин Никифор Калинин и его жена Ульяна Лазарева¹. В том же рапорте фон Крузе сообщал, что эпидемия началась и в стоящей на другом берегу Москвы-реки деревне Забусове. Эта деревня относилась к Гвоздинской дворцовой волости, также находившейся под управлением поручика фон Крузе.

Из следующего рапорта, поданного в Дворцовую конюшенную канцелярию 24 сентября, известно о новых жертвах чумы. В период с 9 по 21 сентября в Бронницах от чумы умерли крестьянин Яков Емельянов и его дети Сидор и Василиск и крестьянин Петр Андреянов². В Забусове от чумы тоже скончалось несколько человек.

Поручик Иван фон Крузе проделал огромную работу по борьбе с эпидемией. Как только до него стали доходить слухи о начавшейся в Москве чуме, он, не дожидаясь

Базарная площадь. Собор Архангела Михаила. Начало XX века. Из собрания Музея истории города Бронницы

ясь распоряжений начальства, начал действовать самостоятельно и направил в Коломенскую воеводскую канцелярию (в те времена Бронницы относились к Коломенскому уезду) представление о том, чтобы дорогу, ведущую из Москвы в Коломну, отвели в сторону от Бронниц. Однако коломенские власти не предприняли никаких мер предосторожности и не организовали отвод дороги. Тогда фон Крузе решил действовать на свой страх и риск и организовал карантин, чтобы приезжающие и приходящие из Москвы не распространяли бы инфекции. Дорога была отведена в сторону от Бронниц, кроме того, во всех селах и деревнях Бронницкой волости были организованы специальные пикеты, на которых стояли местные крестьяне. На пикетах, находящихся на проезжих дорогах, кроме крестьян постоянно дежурил один из конюхов брон-

ницкой конюшни. Фон Крузе регулярно проверял пикеты, а его подчиненные объезжали их ежедневно. На этих пикетах постоянно жгли можжевельник: в то время считали, что окуривание защищает от инфекции. Кроме этих карантинных мер, в соответствии с секретными приказами Московской губернской канцелярии и Коломенской воеводской канцелярии было организовано отделение больных от здоровых. Все заболевшие чумой немедленно выселялись из своих домов в бани, стоящие в стороне от жилья, или в специально построенные около леса и воды шалаши. Еду больным приносили люди, которым это было поручено, а дома заболевших чумой были заперты и в них никого не пускали.

Поручик Иван фон Крузе подробно описал предпринятые им меры по борьбе с эпидемией в своем рапорте, направленном

в Дворцовую конюшенную канцелярию 17 октября 1771 года:

Я по присяжной моей должности взяв на себя долг в сохранение от опасной болезни, чтоб едущие и идущие всякого звания из Москвы люди не нанесли той болезни, дорогу отвел мимо села Бронницкую и ныне проезжают; и употребляя все строгости во всех ведомства моего жительства учредил крепкие пакеты и на них поставлены крестьяне над коими смотрение имеют союжие и пятидесятичные поданным им приказам, а в нужных местах и по всем проезжим дорогам на тех пакетах для лучшего их содержания определены к крестьянам быть при тех безотлучно бронницкой конюшней конюхов по одному человеку, а сверх того я сам почасту их наблюдаю и ежедневно чрез нарочно посланных и подчиненных моих надсматриваюсь и при тех пакетах имеется непрерывное можжевел[ъ]ников курение, в которых же местах как скоро признаются люди в болезни, те в самое тож время в силу данных союжком от Московской губернской и Коломенской воеводской канцелярий секретных приказов выводятся во отдаленные от жилья бани и в нарочно для того построенные у лесов и у воды шелаши, разлучая при том бол[ъ]ных от здоровых, чтоб сообщения те бол[ъ]ные со здоровыми не имели, а для приносу им потребного на пропитание определяются на то особые люди, дома ж тех бол[ъ]ных в самое тож время оставляются заперты и ко входу в них никто допускаемы не бывают³.

Этот рапорт был написан на следующий день после получения указа из Дворцовой конюшенной канцелярии от 9 октября 1771 года, предписывавшего сообщить о количестве умерших в Бронницкой и Гвоздинской волостях и о принятых мерах по борьбе с чумой.

В своем рапорте от 17 октября 1771 года фон Крузе сообщал, что принятые меры обеспечили благополучное положение дел практически во всех селениях Бронницкой и Гвоздинской волостей. Исключение составляли сами Бронницы, в которых «незнаемо каким случаем» появилась и свирепствовала чума, и деревня Забусово.

Следующий рапорт был написан Иваном фон Крузе 7 ноября 1771 года. В нем он сообщал о новых жертвах эпидемии: 3 и 4 ноября от чумы скончались бронницкие крестьяне Алексей Михайлов, Михайла Гаврилов и его сын Михайла и крестьянка Анна Михайлова. В то время эпидемия распространилась и на соседнюю деревню Велино: в те же дни там умерли крестьяне Савелий Никитин и Антроп Данилов⁴.

Судя по всему, именно тогда жители Бронниц решили прибегнуть к помощи Иерусалимской иконы Богоматери и стали носить ее по селу и ее окрестностям. Об этом свидетельствует то, что 7 ноября поручик фон Крузе направил в Дворцовую конюшенную канцелярию еще один рапорт, в котором выразил беспокойство, что предпринятые им карантинные меры не принесут должного результата из-за действий бронницких священников:

Известно дворцовой конюшенной канцелярии что в селе Бронницах в людях состоит опасная болезнь, которая ныне чрез все употребляемые от меня способы и строгости н[ы]не умалилась, а впредь и теми строгостями оное удержат не можно, потому что села Бронниц священники со всех сторон народ в церковь для богомолия допускают и с образом в разные сторонние места ходят и теми приходящими в Бронницы люд[ъ]ми и хождением с образом в сторонние места тою болезнью наносят могут, я им в том [?] запрещал неоднократно, но оне для своей единственно корысти того оставить не хотят и совсем меня в том не слушают и отговариваются, что-де от прихождения в церковь сторонних людей ничего причинитца не может⁵.

Слова «со всех сторон народ в церковь для богомолия допускают» свидетельствуют о том, что в начале ноября 1771 года в село Бронницы приходили богомольцы из других сел и деревень. Священники ходили с иконой «в разные сторонние места», то есть икону носили не только по селу, но и по его окрестностям. В рапорте поручика фон Крузе не говорится, с каким именно образом ходили брон-

ницкие священники, но сопоставление этого документа с местными преданиями позволяет утверждать, что это была Иерусалимская икона Богоматери.

В рапорте поручика фон Крузе бронницкие священники поименно не названы, но из других источников мы знаем, что в 1771 году в бронницкой Михаило-Архангельской церкви (в то время она еще не была собором) служили священники Иван Христофоров и Федор Христофоров⁶. Они и были инициаторами крестных ходов с Иерусалимской иконой Богоматери.

Эти крестные ходы очень раздражали поручика фон Крузе: он полагал, что они представляют угрозу выстроенной им системе карантинных мер и пытался запретить священникам ходить с иконой и принимать в церковь посторонних людей, но они уверяли его, что это не представляет никакой опасности. Тогда фон Крузе решил действовать официальным путем и в своем рапорте попросил Дворцовую конюшенную канцелярию обратиться к церковному начальству, чтобы оно воздействовало на бронницких священнослужителей:

Того ради дворцовой конюшенной канцелярии доношу не соизволит ли она канцелярия определить чрез их духовную команду во избежание от той опасности для богомолия в церковь сторонних людей допускать и со образом в другие сторонние места ходить им священником запретить⁷.

Из архивных источников мы узнаем, что эпидемия чумы в Бронницах и окрестных селах закончилась в середине ноября 1771 года: 18 ноября поручик фон Крузе направил своему начальству очередной рапорт, в котором сообщал о скончавшихся от чумы в первую половину ноября⁸. В этот период в Бронницах умерло пять человек, в Велине — семь человек. Кроме того, эпидемия распространилась и на село Боршеву, где в то время умерло четыре человека. Эпидемия продолжалась и в Гвоздинской волости, причем из Забусова она распространилась на деревни Никулино и Цыбино.

Но через десять дней, 29 ноября, фон Крузе направил в Дворцовую конюшенную канцелярию рапорт, в котором сообщил о благополучном положении в Бронницкой и Гвоздинской волостях: с 16 по 28 ноября в селениях этих волостей не было случаев смерти от чумы. Фон Крузе также сообщал, что в то время в Бронницкой и Гвоздинской волостях больных чумой не было⁹. То есть эпидемия чумы в Бронницах прекратилась в середине ноября 1771 года — вскоре после того, как Иерусалимскую икону Богоматери стали с крестными ходами носить по бронницким окрестностям. Это совпадает с рассказом, содержащимся в сказаниях об иконе, записанных в начале XX века.

Тем временем Дворцовая конюшенная канцелярия получила рапорт поручика фон Крузе от 7 ноября и начала действовать — 28 ноября она направила в Московскую контору Синода доношение, сообщающее о событиях, происходящих в Бронницах:

Коломенского уезду в селе Бронницах в людях состоит опасная болезнь, а в присланном в реченную канцелярию того села Бронниц от управителя поручика [так в тексте — П.Ч.] Ивана фон Крузе доношении объявлено, что села Бронниц священники со всех сторон народ в церковь для богомолия допускают и с образом в разные сторонние места ходят, и теми приходящими в Бронницы люд[ъ]ми и хождением с образом в сторонние места тою болезнью наносят могут¹⁰.

Далее в этом доношении излагалась просьба направить в Коломенскую духовную консисторию указ, предписывающий священникам принять меры против распространения эпидемии, в частности, прекратить хождения с иконой.

Доношение Дворцовой конюшенной канцелярии рассматривалось в Московской конторе Синода 2 декабря 1771 года. В соответствии с просьбой, исходящей от дворцового ведомства, было принято решение послать указ епископу Коломенскому и Каширскому Феодосию (Михайловскому)¹¹, чтобы он обязал бронницких клириков

подчиняться требованиям Дворцовой конюшенной канцелярии:

Приказали к преосвященному Феодосию, епископу Коломенскому, послать указ и велеть означенным села Бронниц священноцерковнослужителям накрепчайше подтвердить, дабы они поступали так как она конюшенная канцелярия означенным доношением требует непременно¹².

В свою очередь, Дворцовая конюшенная канцелярия указом от 19 ноября 1771 года предписала поручику фон Крузе не допускать в Бронницы никого из посторонних и, кроме того, направила в Московскую контору Синода донесение. После этого Коломенская духовная консистория получила указ из Московской конторы Синода о запрете крестных ходов с иконой¹³.

Коломенская духовная консистория рассмотрела вопрос о крестных ходах в Бронницах 13 декабря 1771 года. В заседании консистории участвовали архимандрит Иакинф (Карпинский), ключарь Успенского собора священник Григорий и иеромонах Тихон. Было решено послать бронницким клирикам указ, который, со ссылкой на указ Московской конторы Синода, обязал бы их неукоснительно соблюдать все официальные распоряжения о борьбе с эпидемией, а также помогать поручику фон Крузе в его деятельности по борьбе с чумой. Кроме того, консистория обязала бронницких священников Ивана Христофорова и Федора Христофорова написать рапорт с объяснением, почему они решили ходить с иконой в дома местных жителей¹⁴.

В журнале заседаний Коломенской духовной консистории содержится любопытная подробность: говорится, что в Бронницах имело место «хождение в посторонние жилища со образами»¹⁵, то есть икону не только носили по селу и его окрестностям, но и вносили в дома прихожан. Рапорт бронницких клириков пока не найден. Если он будет обнаружен, то, вероятно, мы сможем узнать новые подробности о крестных ходах с Иерусалимской иконой

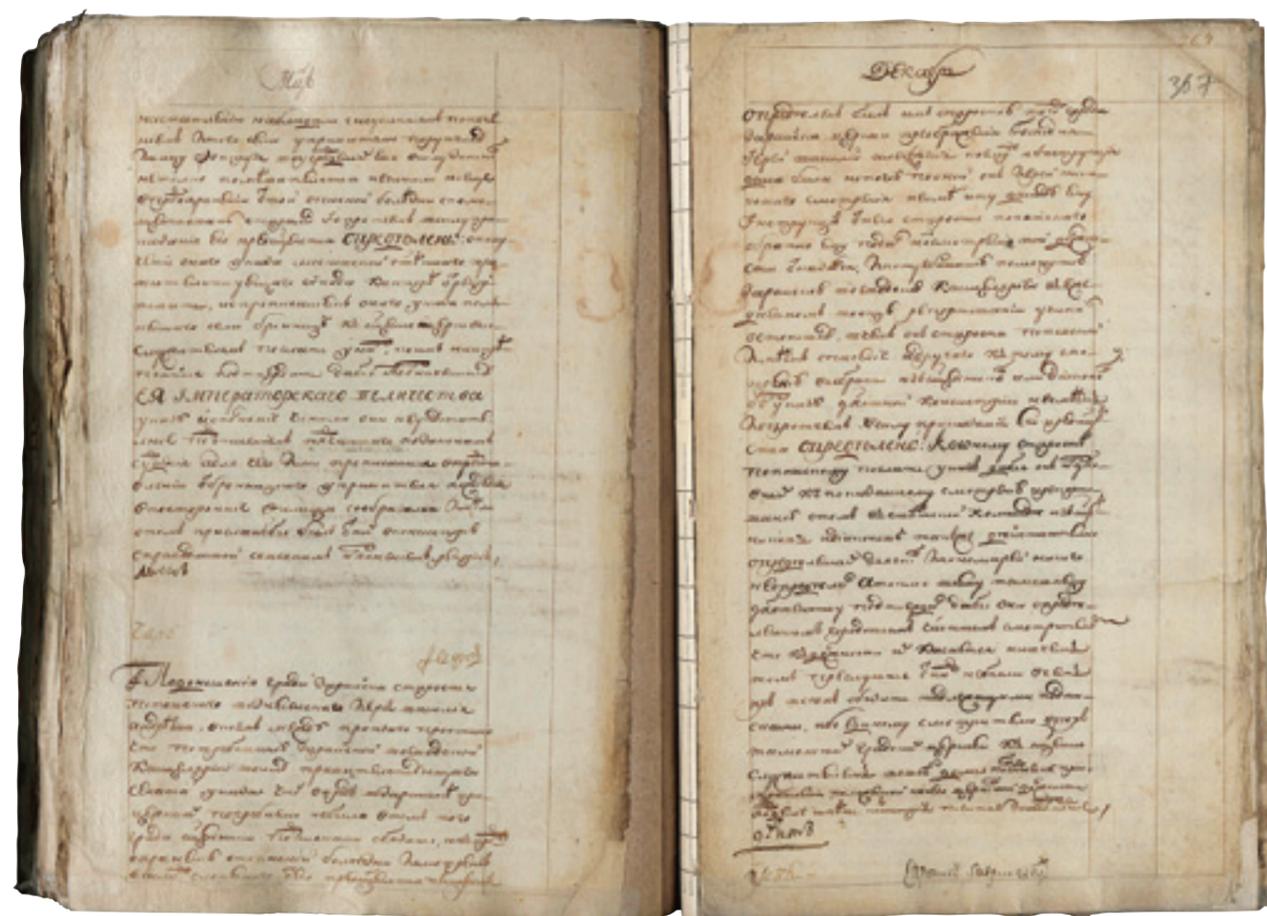
Богоматери, совершавшихся в Бронницах осенью 1771 года.

Несомненно, после получения бронницкими священниками указа Коломенской духовной консистории крестные ходы прекратились: в то время мало кто из духовенства мог решиться открыто выступить против решения духовных властей.

Следует отметить, что 20 декабря 1771 года появился указ Синода «О запрещении крестных хождений, чинимых самовольно в Москве»¹⁶. Этот указ гласил, что в Москве, несмотря на уже существовавший к тому времени запрет, часто бывают крестные ходы, совершающиеся приходскими священниками самочинно, без благословения Синода и разрешения правящего архиерея. Согласно указу, такие крестные ходы должны быть запрещены: «Все таковыя самовольно чинимые крестные хождения, кроме издревле установленных и высшею командою дозволенных, отныне навсегда запретить, в чем всех священно- и церковнослужителей обязать еще строжайшими подписками, и впредь их до такового самоволия отнюдь ни под каким видом не допускать»¹⁷. Этот указ появился меньше, чем через месяц после того, как в Московской конторе Синода обсуждались крестные ходы, совершавшиеся бронницкими священниками. Возможно, что при подготовке указа в Синоде имели в виду и недавнюю историю, произошедшую в Бронницах.

Таким образом, история о прославлении Иерусалимской иконы Богоматери из Бронниц, вплоть до начала XX века существовавшая в виде устного предания и письменно зафиксированная протоиереями Василием Толгским и Иоанном Добровым, находит документальное подтверждение. Мы можем с уверенностью говорить о том, это предание излагает реальные события, происходившие в Бронницах осенью 1771 года, во время эпидемии чумы. Эти события стали началом особого почитания Иерусалимской иконы Богоматери в Бронницах.

Церковные власти запретили крестные ходы в Бронницах в 1771 году, боясь распространения эпидемии, но надо отметить, что

Листы журнала Коломенской духовной консистории с описанием крестных ходов 1771 года в Бронницах. Государственный архив Тульской области

в те времена Церковь довольно настороженно относилась к народной религиозности. Это было вызвано так называемой «реформой благочестия», проведенной Петром I в 1722 году, практически одновременно с созданием Синода: император очень боялся распространения различных суевений и обязал духовенство следить за тем, чтобы религиозность их прихожан не выходила за пределы нормы. Народное почитание местных святых, особое почитание икон, находившихся не в церквях, а в частных домах, почитание различных святых мест: источников, колодцев, камней, все это казалось церковным властям подозрительным. На первых порах были запрещены даже крестные ходы: петровский указ от 21 февраля 1722 года¹⁸ запретил выносить иконы из церквей в дома прихожан.

Буквальное следование этому указу привело к отмене целого ряда крестных ходов, уже совершавшихся к тому времени на протяжении многих лет. С этим довольно быстро разобрались, и эти крестные ходы вновь стали совершаться, однако на совершение ранее не практиковавшихся крестных ходов требовалось официальное разрешение церковных властей.

Кроме того, второй петровский указ от того же 21 февраля 1722 года запрещал оглашение икон чудотворными. Указ предписывал в случае, если в частном доме объявится чудотворная икона, провести освидетельствование и, выяснив все обстоятельства этого события, забрать икону на хранение в ризницу кафедрального собора или монастыря — то есть в то место, где верующие не смогут ей поклоняться¹⁹.

При внимательном рассмотрении истории прославления Иерусалимской иконы Богоматери в Бронницах возникает еще один важный вопрос: почему днем местного празднования Иерусалимской иконе стало десятое воскресенье после Пасхи? Обычно такие праздники устанавливаются в тот день, когда произошло чудо (позже, в XIX веке, в Бронницком уезде появилось немало таких местных праздни-

ков), однако мы знаем, что эпидемия чумы в Бронницах была осенью 1771 года. Возможно, в десятое воскресенье по Пасхе произошло первое чудо Иерусалимской иконы Богоматери в Бронницах — исцеление девицы, приехавшей из Москвы, и поэтому впоследствии и о спасении Бронниц от эпидемии чумы стали вспоминать в этот день? Этот вопрос требует детального изучения.

Продолжение следует

Петр Георгиевич Чистяков

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 67. Д. 31618. Л. 8.

2. Там же. Л. 19.

3. Там же. Л. 48 об.—49.

4. Там же. Л. 76.

5. Там же. Д. 31620. Л. 1.

6. Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. 1770. Оп. 2. Д. 37а. Л. 372 об.—373.

7. РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 67. Д. 31620. Л. 1–1 об.

8. Там же. Л. 88–88 об.

9. РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 67. Д. 31618. Л. 108.

10. Там же. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 17 (1771 г.). Д. 329. Л. 1.

11. Епископ Коломенский и Каширский Феодосий (Михайловский) был рукоположен во епископа на Коломенскую кафедру 28 декабря 1763 года, до того был архимандритом Рязанского Солотчинского монастыря. При нем был

сооружен позолоченный иконостас Успенского собора и построена теплая соборная церковь Тихвинской иконы Богоматери. В 1775 году епископ Феодосий участвовал в торжественной встрече императрицы Екатерины II, посетившей Коломну. Скончался 30 января 1787 года, похоронен в коломенском Успенском соборе. См.: *Марков Н., свящ.* Коломенская епархия. М., 1888. С. 19–20.

12. РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 17 (1771 г.). Д. 329. Л. 2 об.

13. Там же. Л. 4.

14. ГАТО. Ф. 1770. Оп. 2. Д. 37а. Л. 365 об.—366 об.

15. Там же. Л. 366 об.

16. ПСЗ. Т. 19 (1770–1774). С. 406.

17. Там же.

18. ПСПР. СПб., 1872. Т. II. № 419. С. 64 (21 февраля 1722 года). См.: *Лавров А. С.* Колдовство и религия в России (1700–1740). М., 2000. С. 412.

19. Там же. С. 413

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

АНТОНИЙ БОРЗЫХ И ЛИЛИЯ ПЕРФИЛЬЕВА. ДНЕВНИК БОРИСА ВИКТОРОВИЧА ШЕРГИНА

Среди дневников Бориса Викторовича Шергина есть особенно сокровенные записи — это прощальное слово самому близкому и дорогому человеку, своему «брателку» Анатолию Викторовичу Крогу. В дневниках этот цикл записей озаглавлен «Сорокоуст».

Они пронизаны болью утраты, великой скорбью. Одновременно являются и продолжением беседы Бориса Викторовича со своим братом. Это торжественный гимн братской дружбы.

В этой беседе-исповеди Борис Викторович открывается читателям еще ближе, его душа совершенно обнажена, незащищена. Перед нашим взором предстает океан переживаний: и молитва, и плач, и осуждение себя, и великая благодарность Анатолию Викторовичу за прожитую вместе трудную жизнь, за заботу и порой спасение от голода и смерти.

29 сентября (12 октября) 1959 года.

Для какого праздника накрыты столы и собрались гости? Не поздравляют, не чокаются. Говорят: царство ему небесное, место светлое, сорок дней моему брателку.

Это мне «40 дней», потому что моя жизнь ушла, мое сердце остановилось. Жизнь моя, дыхание мое, братишечко мой, из милых милый, из любимых любимый оставил меня.

Единственный мой, от дней юности была у нас с тобой одна жизнь, одно сердце, одна дума. В тебе был смысл моего существования. И ты не мог жить без меня. Единственный мой, брат мой и друг мой, ты сказал мне на последнее прощание: «Я буду вспоминать тебя на том свете, в том мире». Пообещал вспоминать и ушел «в море далеке». Покинул меня на пустынном берегу. Или ты не видишь, как валялся я у тебя в ногах, кричал и убивался, просил взять с собой.

Брат мой, любимый мой, знаю, что болезнями и страданиями купил ты себе жизнь блаженную, вечную, знаю, что жив ты, жива душа твоя и свет вечный видит.

А я, сорок этих дней, валяюсь в ногах твоей постели, обрыдал и оплакал великую, грозную мою вину, мою вину перед тобой: не берег, не хранил, не заботился я о тебе. Видел, что ты изнемогал в непосильной работе и почивал безмятежно.

Горько мне, лото мне, тошно мне, милый, дорогой мой братишечко. Позднее раскаяние мое. Сам я себе ад на земле заживо приготовил. Ты ласковый, любящий, добрый, меня не обновил, да совесть моя гложет меня¹.

Борис Викторович трепетно обращается к образу умершего брата. В поэтических образах, в простых словах хочет выразить величайшую любовь и благодарность ему. Он вспоминает прожитую вместе жизнь, совместное творчество.

Борис Викторович терял зрение и очень нуждался в помощи в своих литературных трудах. Многие бытовые мелочи, на которые мы порой не обращаем внимания, были для Шергина невероятно трудны. Все заботы лежали на Анатолии Викторовиче Кроге. В какой-то мере благодаря его заботе и вниманию мы обязаны созданию многочисленных литературных произведений, именно он создавал для Бориса Викторовича Шергина необходимый уют и возможность заниматься творчеством в самые суровые времена. Анатолий Викторович заслужил самые теплые и искренние слова, записанные в сокровенном дневнике Шергина.

Из милых милый, из любимых любимый в тебе был весь мой ум, все мысли и смысл всей жизни

моей. Ни одной думы я не сдумал без тебя, ни одного доброго и полезного не сделал без тебя. Ушел ты, угас ты, солнце мое.

Зима пришла, сердце озябло. Без ума, без смысла, остался я, как трава скошена и стоптана у дороги.

На моих глазах ты собирался в последний путь. Всю жизнь, неразлучно шли и ехали мы с тобой в любую сторону, в любой край.

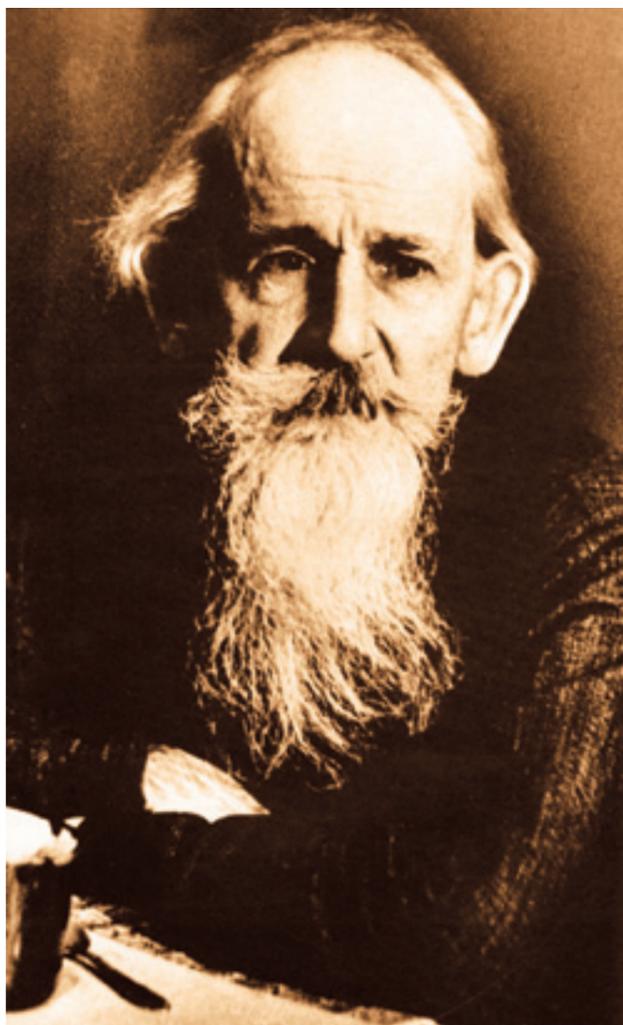
Что же ты, в этот путь собрался, у меня не спрашивался и мне не сказывался? Любимый мой, единственный мой, я все видел и ужасался, а тебе смертной тоски моей не выказывал².

Завтра уже праздник Введения. Зима пошла со снегами, с морозами. Брателко мой, единственный мой, спишь ты там, под белыми снежными покрывалами. Слышишь ли ты, как я здесь, один зову тебя и плачу по тебе горько, неутешно. Вижу тебя со мною. Вижу твое ненаглядное лицо. Вижу взор твой ласковый, слышу благоутешное слово.

Единственный мой. Давно ли было: сидим с тобой, ты в синей рубашке, тонкие пальцы твои держат перо. Я диктую тебе. Вместе укладываем рассказ. Бывало, спорю с тобой, обижая тебя. Я думал, всегда так будет. Я не берег тебя. И вот, я увидел, что ты светильник жизни моей, угасаешь... Брат мой и друг мой, ты всю жизнь был для меня один – единственный, но я был худой тебе оберегатель.

Брате мой милый и господине мой любимый. Дом мой всегда держался тобою. Много лет был ты добытчиком нашим и кормильцем. В войну в голодные годы, благодаря твоему умразуму, были мы сыты и одеты. Уже тебя постигла неисцельная болезнь, уже не по силам тебе стало вести дом, держать ответ о приходе и расходе, ты всех нас обдумывал, обо всех заботился, обо всех нас тревожился и печалился. Мы до исхода твоего не подумали снять с тебя бремя забот и печалей³.

Несмотря на скорби, на одиночество в этом земном мире, Борис Викторович в молитве может подняться над суетным миром, над бытом, над печалью. Он дерзновенно, по-христиански торжествует над

Борис Викторович Шергин.
1970 год

смертью. Он духовными очами видит своего брата в вечном свете, они молятся друг за друга. Братский союз не прерван, и общение продолжается, все пронизано Пасхальной радостью! Слова молитв, читаемых на панихиде, Борис Викторович Шергин воспринимает через свет Пасхального торжества. Он очень эмоционально пишет об этом. Не может его сердце принять «заупокойность». Не должно быть грусти, если Христос – Победитель смерти. Это христианское, удивительно светлое и жизнеутверждающее мировосприятие, которое так свойственно Шергину. Через дневниковые записи просматривается этот таинственный мир.

Милый мой брателко! Когда я стою у Божественной литургии, когда возносится за тебя святая жертва, я знаю, что жив ты, жива душа твоя и свет вечный видит. Знаю, что живешь ты в горнем мире «отнюдуже избеже всяка болезнь и воздыхание». Знаю, что не забыл ты обещания твоего великого, – молишься за нас и поминаешь нас, оставшихся здесь, в юдоли земной, плачевной⁴.

Со времен детства остались у меня в памяти некоторые строфы греческой песенки: «Мама, мама, почему ты о умершей так грустишь? Наша Зоя в лучшем мире, ты сама нам говоришь». Мать подтверждает, что Зоя в лучшем мире. Но тут же плачет... ибо нет «в лучшем мире ни цветов, ни трав душистых, ни веселых мотыльков». Песенка весьма наивна, но, когда представляю я себе милого моего Толюшку, такого простого и веселого, трудно мне применить и прикладывать к нему торжественные слова молений и песнопений.

И это, во-первых, потому, что в моления об отошедших в мир иной, насовано это слово: «о упокоении», «упокой, Господи».

Заупокойность эта всячески не вяжется с торжественным радостным и любимым гимном «Христос воскрес из мертвых». Он сущим во гробах жизнь даровал, а не «вечное упокоение».

Воскресенье Христово есть «Пасха вечная». «Воскресе Христос и низвержесе смерть». «Угасию, иже от нея держимой». «Где твое смерти, жало? Где твоя, смерть, победа?»

Христос – Пасха вечная. Почему же твердят это, выжимая слезы «упокоения». Разве нифвану или анабиоз какой даровал, Победитель смерти, смертью смертью поправый и живот даровавший?

Начал я грустной «песенкой», потому что взял фотокарточку брата и облил ее слезами. Но, очевидно, надобно «горняя мудрствовать». «Крута гора, да миновать нельзя!»

Скажите, сам себя тешишь. Пока жил, по то и был. Но разве все не таинственно все вокруг нас. Разве понятны тебе эти обиходные выражения «вечность», «безконечность»?⁵

Дар видеть в простых вещах и явлениях таинственное, особая детскость и одновременно великая мудрость старца – все это сочетается в Борисе Викторовиче Шергине. Размышляя о жизни человека в суетном мире и о красоте церковной жизни, автор пишет в дневнике:

Светлость и красота вокруг нас. Чтобы ощутить и увидеть это, надобно скинуть с разума ветхий ночной колпак. Здесь чудо. В этих чудесных явлениях внутренняя церковная жизнь. Эта жизнь таинственная, столь же благодатно проявляется в Христе, в христианском искусстве⁶.

Через дневник Шергина происходит исцеление души. Читая его, находишь ответы на вопросы, которые тебя мучают. Одновременно с удивлением узнаешь, что многие мысли до тебя пережил и передал писатель. Особенно драгоценно, что в дневниках нет нравоучения, нарочитой научности, лукавой мудрости. Есть христианская доброта, Борис Викторович Шергин через всю жизнь сохранил особый Божественный свет, который желающему может и в наши дни освещать путь в мире!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шергин Б.В. Собрание сочинений. Т. 3. М.: Изд. центр «Московведение», 2014. С. 421.

2. Там же. С. 422.

3. Там же. С. 424.

4. Там же. С. 425.

5. Там же. С. 428–429.

6. Там же. С. 444.

СТРАНИЦЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

Дорогой читатель!

Прошло ровно 100 лет со дня мученической кончины последнего Российского Государя Святого Царя-Страстотерпца Николая II. Как и ты сейчас, он был когда-то маленьким мальчиком, отроком, подростком, юношей... Каким он был в детстве? Как учился? Как вел себя? Какие проявлял черты характера? С кем дружил? Как относился к людям? Ответ на эти многочисленные вопросы ты найдешь, прочитав отрывки из воспоминаний Владимира Константиновича Олленгрэна, сына первой учительницы будущего Государя Николая II и его брата Георгия, воспитывавшегося и жившего вместе с ними в детские годы. Они были для него мальчишками Ники и Жоржиком, друзьями и участниками совместных озорных проделок. Вместе с описанием забавных случаев Олленгрэну удалось очень точно уловить дух Царской семьи, то, что было надежно скрыто от посторонних взглядов.

ИЛЬЯ СУРГУЧЕВ.

**«ДЕТСТВО ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II»
(ПО ВОСПОМИНАНИЯМ В.К. ОЛЛЕНГРЭНА).**

Публикуется в сокращении

— Вы госпожа Олленгрэн? Шведка? — спросила приветливо Мария Петровна Флотова и, сквозь особую, вырабатывающуюся у придворных беззаботно-ласковую улыбку, внимательно и деловито, с немедленной записью в мозгу, осмотрела материнское лицо, задержавшись на глазах, и оттуда перешла на руки, к пальцам — точнее сказать, к ногтям. — Вас на весеннем приеме в Зимнем дворце заметила Великая Княгиня Мария Федоровна, супруга Наследника Цесаревича. Она предлагает вам заняться воспитанием и первоначальным образованием двух своих сыновей, Великих Князей Николая и Георгия. Они еще неграмотны. Николаю — семь лет, Георгию — пять. Великая Княжна Ксения вас не коснется. Ей три года, она с англичанкой.

Мать потом вспоминала: ее от этого предложения как обухом по голове ударило и в лицо «ветрами подуло».

Великий князь Александр Николаевич (будущий царь Александр III), великая княгиня Мария Федоровна с детьми: великими князьями Николаем Александровичем (*стоит слева*), Георгием Александровичем (*на руках у матери*), великой княжной Ксенией Александровной (*на руках у отца*)

— Как? — воскликнула она. — Мне заниматься воспитанием Великих Князей?

— Да, — подтвердила госпожа Флотова, — именно на вас пал выбор Великой Княгини-матери.

— Но я не подготовлена к такой великой задаче! — говорила мать. — У меня нет ни знаний, ни сил.

— К великой задаче подготовка начнется позже, лет с десяти, — спокойно возражала госпожа Флотова, — а пока что детей нужно выучить начальной русской грамоте, начальным молитвам. Они уже знают «Богородицу» и «Отче наш», хотя в «Отче» еще путаются. Одним словом, нужна началь-

ная учительница и воспитательница, и, повторяю, высокий выбор пал на вас. Все справки о вас наведены, референции получены блестящие, и я не советую вам долго размышлять. Вам будет предоставлена квартира на детской половине, на готовом столе — едят здесь хорошо, — отопление, освещение и две тысячи рублей годового жалованья.

Как ни заманчивы были эти обещания, мать решительно отказалась, ссылаясь на страх, великую ответственность и на неподготовленность.

— Тогда, — сказала Флотова, — посидите здесь, а я пойду доложить.

Минут через пять она вернулась в сопровождении милой и простой дамы, которая разговаривала с матерью на весеннем приеме в Зимнем дворце. Это была Великая Княгиня, Цесаревна Мария Федоровна. Мать сделала глубокий уставной реверанс, которому их обучали в институте, и поцеловала руку.

— Вы что же? Не хотите заняться с моими мальчиками? Уверю вас, что они не шалуны, они очень, очень послушные, вам не будет слишком трудно, — говорила с акцентом Великая Княгиня, и мать, потом десятки раз рассказывая об этом, неизменно добавляла: «И из ее глаз лился особый сладкий свет, какого я никогда не видела у других людей».

— Но ваше Императорское Высочество, — взмолилась мать, — ведь это же не обыкновенные дети, а царственные: к ним нужен особый подход, особая сноровка!..

— Какая такая «особая» сноровка? — вдруг раздался сзади басистый мужской голос.

Мать инстинктивно обернулась и увидела офицера огромного роста, который вошел в комнату незаметно и стоял сзади.

Мать окончательно растерялась, начала бесконечно приседать, а офицер продолжал басить:

— Сноровка в том, чтобы выучить азбуке и таблице умножения, не особенно сложна. В старину у нас этим делом занимались старые солдаты, а вы окончили институт, да еще с шифром.

— Да, но ведь это же — наследник престола, — лепетала мать.

— Простите, наследник престола — я, а вам дают двух мальчуганов, которым рано еще думать о престоле, которых нужно не выпускать из рук и не давать повадки. Имейте в виду, что ни я, ни Великая Княгиня не желаем делать из них оранжерейных цветов. Они должны шалить в меру, играть, учиться, хорошо молиться Богу и ни о каких престолах не думать. Вы меня понимаете?

— Понимаю, ваше Высочество, — пролепетала мать.

— Ну а раз понимаете, то что же вы, мать четверых детей, не сможете справиться с такой простой задачей?

— В этом и есть главное препятствие, ваше Высочество, что у меня — четверо детей. Большой хвост.

— Большой хвост? — переспросил будущий Александр III и рассмеялся. — Правильно, хвост большой. У меня вон трое, и то хвост, не вот-то учительницу найдешь. Ну мы вам подрежем ваш хвост, будет легче. Присядем. Рассказывайте про ваш хвост.

Мать начала свой рассказ.

— Ну, тут долго слушать нечего, все ясно, — сказал Александр Александрович, — дети ваши в таком возрасте, что их пора уже учить. Правда?

— Правда, — пролепетала мать, — но у меня нет решительно никаких средств.

— Это уже моя забота, — перебил Александр Александрович, — вот что мы сделаем: Петра и Константина — в Корпус, Елизавету — в Павловский институт.

— Но у меня нет средств! — воскликнула мать.

— Это уж моя забота, а не ваша, — ответил Александр Александрович, — от вас требуется только ваше согласие.

Мать в слезах упала на колени.

— Ваше Высочество! — воскликнула она. — Но у меня есть еще маленький Владимир.

— Сколько ему? — спросил наследник.

— Восьмой год.

— Как раз ровесник Ники. Пусть он воспитывается вместе с моими детьми, — сказал наследник, — и вам не разлучаться, и моим будет веселей. Все лишней мальчишка.

— Но у него характер, ваше Высочество.

— Какой характер?

— Драчлив, ваше Высочество.

— Пустяки, милая. Это — до первой сдачи. Мои тоже не ангелы небесные. Их двое. Соединенными силами они живо приведут вашего богатыря в христианскую веру. Не из сахара сделаны.

— Но... — попыталась вмешаться Мария Федоровна. Наследник сделал решающий жест.

— Переговоры окончены, — сказал он, — завтра же вашими старшими детьми займутся кому следует, а вы времени не теряйте и переезжайте к нам.

— Итак, сударыня. Учите хорошенько мальчугов, повадки не давайте, спрашивайте по всей строгости законов, не поощряйте лени в особенности. Если что, то адресуйтесь прямо ко мне, а я знаю, что нужно делать. Повторяю, что мне фарфора не нужно. Мне нужны нормальные, здоровые русские дети. Подерутся — пожалуйста. Но доказчику — первый кнут. Это — самое мое первое требование. Вы меня поняли?

— Поняла, ваше Императорское Высочество.

— Ну а теперь до свидания — надеюсь, до скорого. Промедление смерти безвозвратной подобно. Кто это сказал?

— Ваш прадед, ваше Высочество.

— Правильно, браво, — ответил наследник и, пропустив впереди себя Цесаревну, вышел из комнаты.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Входим с мамой в комнату и видим: стоит сероватая старуха и с ней два мальчишка в матросских рубашечках.

— Как тебя зовут?

— Владимир Константинович.

— Фу, какой важный.

Мама конфузится и толкает меня в бок и подсказывает: «Володя».

Я решил не сдавать позиций и стою на своем:

— Владимир Константинович.

Расчет простой: Владимира Константиновича не так-то скоро возьмешь в работу, как какого-то Володю. Стою на своем и в третий раз повторяю:

— Владимир Константинович.

Серая старуха идет на уступки и отвечает не особенно по-русски, а с каким-то присвистом, как у немки-булочницы:

— Ну, хорошо, — говорит, — Владимир Константинович, а вот это — Николай Александрович, а это — Георгий Александрович, Великие Князья, с ними учиться и жить будешь.

Я сию же минуту закатил серой старухе персидский глаз и сказал:

— Это Великие Князья? Ха-ха, смеялася Жанетта!

Серая старуха затряслась животом и сунула нас всех троих в соседнюю комнату, и в голове мелькнула мысль, что сейчас оно и начнется.

Огляделся: комната волшебная. Ничего подобного сроду не видывал. Во-первых, идет по полу железная дорога, маленькая, но настоящая, с рельсами, с сторожевыми будками, с тремя классами вагонов, стоят полки солдат с киверами, с касками, казаки в шапках, а вот лошади с гривами, верблюды с горбами, а вот Петрушка, вот медведь, вот Иван-дурак в клетчатых брюках, а вот барабан, ружья в козлах, труба с кисточкой, гора песку. Глаза разбежались. Спрашиваю:

— Чье это?

Старшенький матросик отвечает спокойно:

— Наше.

— Не врешь?

- Не вру.
- Пустить железную дорогу умеешь?
- Умею.
- А ну пусти.

Матросик завел ключиком, паровоз побежал, из будки вышла сторожиха, замотала флагом, на платформе появился пузатый начальник, зазвонил звонок, и тут я впервые понял, что во дворце могут делаться чудеса.

У меня мороз по коже пошел, а мальчики в матросках стоят и не удивляются.

— Вы — Великие Князья? — спросил я старшенького.

— Да, — ответил тот.

Я расхохотался.

— Какие же вы великие, когда вы — маленькие?

— Нет, мы — Великие Князья, — серьезно, с верой в правоту, настаивал старшенький.

Второй молчал, смотрел на меня во все глаза и сопел.

— Хорошо, — сказал я, становясь наизготовку, — если вы Великие Князья, тогда, хочешь, вы оба на леву руку.

— Мы не понимаем, — сказал старшенький.

— Чего ж не понимать? — сказал я. — Вот видишь, правую руку я завязываю поясом, а левую на вас обоих.

— Ты хочешь драться?

— Разумеется.

— Но мы на тебя не сердиты.

— Тогда я — первый силач здесь.

— Хорошо, — сказал примирительно старшенький, — а когда я рассержусь, мы попробуем.

Он меня потряс, этот мальчуган, чистенький, хорошенький, с блестящими глазками, на первый взгляд — девчонка. Смотрит прямо, улыбается, испуга не обнаруживает. Опыт Псковской улицы мне показал, что вот такие девчонко-мальчики оказываются в бою иногда серьезными бойцами, и я с первой минуты намотал это себе на ус.

И вдруг отворяется дверь — и в комнату шась! Не мал человек, под потолок ростом, и всем существом я понял, что мне была расставлена ловкая западня с этими якобы Великими Князьями и заколдованной комнатой.

Вот пришел настоящий Великий Князь и сейчас начнет: держись, Владимир Константинович!

Маленький подбежал к не мал человеку и сказал, прижимаясь к нему:

— Он нас бить хочет.

— За что? Вы уже поссорились?

Не мал человек обратился ко мне, и я поспешил с ответом:

— Нет, мы не ссорились.

Старшенький стал на мою сторону и добился истины.

— Нет, нет, — сказал он два раза «нет»: так обыкновенно говорят два раза девочки. — Нет, нет, мы не ссорились, но он говорит, что он — первый силач здесь, а когда я рассержусь, тогда мы подеремся и узнаем. Я, если не рассержусь, драться не могу.

— И правильно, — сказал не мал человек, — зачем же даром тратить силу? Даром только дураки дерутся. А ты чего на них сердишься?

— А чего они говорят, что они великие князья? Они — маленькие мальчишки и больше ничего.

— А я — Великий Князь, как по-твоему?

— Вы-то? — ответил я с уважением, глядя на него в гору. — Хо-хо!

Я увидел, что не мал человек радостно засмеялся, и у меня гора свалилась с плеч: я почувствовал, что мы с ним подружим, надо только хорошо начать дело. Он был огромен, светел, если щелкнет по лбу, кость на мелкие части, и зла в глазах нет, он был приятен, стоит за добрые дела и всегда даст пощадку.

В маленьком сердце есть собачье чутье, я не ошибался, возымел сразу большое доверие и от счастья начал хохотать, хватаясь за живот, и рассмешил не мал человека до слез.

— Он не честный, — сказал старшенький, указывая на меня, — он завязывает правую руку и хочет с нами обоими драться одной левой.

— Что? Что? — спросил не мал человек, не поняв сразу.

— Я на это не согласен, — тараторил старшенький, — драться, так обеими.

— Молодец, Никенька, молодец, правильно, бой должен быть равным, без скидок. Нет, брат, — обратился он ко мне, — ты свои шуточки с левыми руками забудь, здесь люди честные и на скидки не пойдут. Драка так драка. Зуб за зуб, кость за кость. Других условий мы не терпим. Фирма честная. Молодец, Ники! Хвалю. Но твою храбрость тоже хвалю, — сказал он мне, — вырастешь — офицером тебя сделаем. Хочешь быть офицером?

— Генералом хочу.

— Хо-хо, — одобрительно сказал не мал человек, — смотри, порох нужен на генерала.

— Порох есть, — ответил я, ободрившись и чувствуя к не мал человеку огромное доверие.

Он опять раскрыл рот и начал смеяться так, что в комнату вошли удивленные женщины.

— Ты доволен, Александр? — спросила какая-то новенькая, которой я еще не видел, и, продолжая смеяться, не мал человек ответил ей что-то не по-русски.

Всем сделалось необыкновенно весело, я увидел, что мама радуется, а серая старуха сияет всем ртом и причмокивает. Я опять-таки верхним чутьем почувствовал, что от этой серой старухи может поступать большая конфета, она была насквозь конфетная. Дело пошло как будто ничего.

ДРУЖБА

Когда начались занятия моей матери с Великим Князем Николаем Александровичем и когда мы только что переехали на жительство в Аничков дворец, — мама моя больше всего боялась (и теперь я считаю это совершенно естественным), как сложатся мои отношения с детьми. В далеком, но все-таки несомненном будущем, — Великий Князь Николай Александрович — сначала — Наследник Престола, а затем, если Бог соизволит, и Император всея Руси. И поэтому мать ночей не спала и мне не давала, все уча меня: как надо быть почтительным к царским мальчикам, как быть сугубо осторожным в обращении с ними и в особенности, как нужно их титуловать.

— Обязательно называй Вашим Высочеством и никак не Ники или Жоржик, а Николай Александрович и Георгий Александрович и обязательно на «вы». Это — дети царские, считай счастьем, и так далее и так далее...

И я чувствовал, как у меня к сердцу подступает, что называется, неизбывная тоска. Как мне ходить с накрахмаленной душой, быть вечно на страже собственных слов, следить за каждым своим движением и жестом! И потом: какие они Великие Князья? Такие же мальчишки, как и я, только у богатого отца, вот и все. У них отец есть, а у меня, бедного, нет, вот и вся разница. Я — сирота, они нет. В этом их счастье. Так почему же мне думать о каких-то высочествах, когда они так же, как и я, ходят, бегают, разговаривают, едят, спят и так же, как и я, врут маме насчет большого живота, когда урока не выучил, или что

Жоржик и Ники

палец болит, когда писать не хочется? Мне было скучно и тоскливо, и в саду я старался отделяться от них. Пусть я играю здесь, а Их Высочества — там. Так проще и для языка — удобнее. И не нужно о чем-то думать, к чему-то приспособляться.

И вот однажды в зимний день я что-то делал в саду и вижу: прямо на меня, в одном сюртуке, идет действительно Великий и благоговейно уважаемый, без всяких предварительных наставлений, Князь Александр Александрович, подходит ко мне и спрашивает:

— Володя! А где же Ники?

Я ответил:

— Его Высочество за горой чистит снег.

Великий Князь, подумав немного, сказал:

— Слушай, Володя. Для тебя Великий Князь здесь — только я один. А Ники и Жоржик — твои друзья, и ты должен звать их Ники и Жоржик. Понял?

— А мне мама велела...

— Правильно. Маму слушаться необходимо, но это я тебе разрешаю и сам с мамой поговорю. Понял?

— Понял, Ваше Высочество. А то очень скучно.

— То-то и дело, что скучно. Ну беги к мальчикам и играйте вместе.

Лед рухнул. С плеч скатилась гора.

Я на крыльях радости полетел к Ники, теперь моему дорогому другу и товарищу, которого тоже злило, что я называл его неуклюжим и плохо вращающимся во рту титулом. Иногда с досады он тоже и меня называл Вашим Высочеством, и тогда я боялся матери: услышит и будет скандал в очках, как говаривал наш ламповщик. Этот ламповщик был большим нашим общим другом, и мы испытывали по отношению к нему самое полное доверие. Когда он, бывало, зайдет в игральную комнату заправлять лампы — мы сейчас же к нему:

— Сидор, расскажи про войну...

И он, нарочно подольше возясь с лампами, рассказывал, и особенно наше воображение поразил переход русских войск через Дунай. Как это — переход через Дунай? И потом в саду мы изображали это так: маленький Жоржик был Дунаем, ложился на землю, а мы с Ники через него «переходили», причем Дунай,

Жоржик и Ники

чтобы сделать трудности, шпынял нас ногой в зад. И мы тогда, чем больше было трудностей, тем больше гордились и надевали медали, которые Ники уже тогда мне «жаловал», отлично понимая эту свою привилегию. Жорж не менее отлично понимал неблагодарность роли переходимого Дуная и за это выхлопывал себе немалые привилегии, например, он был постоянным продавцом мороженого, ему принадлежала в частном порядке знаменитая столовая ложка, выбитая из пивной бутылки.

Иногда Ники, ложась спать, когда горел только маленький ночничок, изображал низким басом:

— Сах-харно мрожено, мр-р-ожено.

И тогда Жоржик вскакивал и лупил его кулачком по одеялу и требовал:

— Не смей кричать. Это я кричу.

Тогда, закрывшись в одеяло с головой, начинал я:

— Сы-ыхарно мырожено.

Жоржик подлетал ко мне и кричал:

— Замолчи! Это я кричу.

И ожесточенно барабанил по мне.

Мы с Ники закатывались со смеху, но Жорж входил в азарт, отстаивал права собственности, кричал, что никогда больше не будет Дунаем, не даст ложки даже понюхать и мы насидимся без мороженого. А когда и это не действовало, начинал всерьез грозить:

— Диди скажу-у... Папе скажу-у...

— Докладчику — первый кнут, — говорил Ники.

— Пусть кнут, а я скажу.

— Ну замолчи, Володя, — начинал уступать Ники, — я тебе жалую медаль.

— Какую? — спрашивал я.

— В ладонь, — отвечал Ники.

И тогда я, уже от полной души, говорил:

— Рад стараться, Ваше Императорское Высочество.

Тогда же Жорж смирялся, лез к Ники на кровать и начинал вести с ним переговоры о медали. Начиналась торговля.

— Сколько раз Дунаем будешь? — деловито осведомлялся Ники.

— Два раза буду.

— Мало два раза. Сто раз, — требовал Ники.

— Двести раз буду.

— Нет, сто.

— Сто много. Буду двести.

— Двести мало, требую сто.

— Сто, тогда две медали.
— Ну хорошо. Две так две. Ты маленький.

— Я маленький. Мне надо две.

— Маленькие по две не носят. Где это ты видел?

— Я видел.

— Врешь.

— Ей-Богу, не вру. Видел.

— Божиться грех, дурачок.

— Значит, жалуешь две?

— Две. Иди спать.

Жоржик счастливо вздыхал и шел к себе.

Ники вдруг что-то вспоминал, приподнимался и угрожающе говорил Жоржику:

— Но только, чтобы животом вверх лежать! Жорж вздыхал и отвечал:

— Животом так животом. За живот третью медаль потребую. Не дашь — папе скажу.

И, как по команде, все сразу засыпали, удовлетворенные, что жгучие вопросы жизни благополучно разрешены...

Однажды я предложил Ники и Жоржу заключить договор вечной дружбы. Мысль была принята с большим воодушевлением. Дело было сделано так. Из новой тетради вырвали лист бумаги, и я, в подражание крови, мамиными красными чернилами написал как мог: «Дружба на веки вечные, до гроба». Первым поставил свою подпись Ники. Я подписался с росчерком «Володя», а Жоржику как малограмотному предложили поставить крест. И он поставил его с необычайной твердостью и правильностью. У него была крепкая и уверенная рука. Он без линейки проводил совершенно и безукоризненно правильную линию — признак художественного дарования. Он рисовал чрезвычайно верно всякие предметы, особенно лошадей и собак. Детям нужна тайна, и с необыкновенными и изобретательными предосторожностями в какой-то жестяной

Жоржик и Ники

Аничков сад. Современная фотография

коробочке мы зарыли договор дружбы под деревом в Аничковом саду. Потом забыли, и этот договор, быть может, и до сих пор в целости лежит на своем месте.

Как чудесно и таинственно было сознавать, что неподалеку, рукой подать, в садовой земле зарыты такие сокровища, как договор дружбы и стеклянная ложка! У нас было особенное многозначительное в присутствии других переглядывание, понятное только нам. Были особые знаки пальцами, как-то: если я поднял большой палец мякотью к Ники, то это значило: «Дай списать задачу». Если я его поднял ногтем к нему, то это значило: «Надо произвести шум для отвлечения внимания». Мы так разработали эту систему, что иногда вели целые молчаливые беседы, как глухонемые. И это было таинственно, прекрасно и дружески связывающе.

Подготовка текста С. В. Баженовой

ИЗДАНИЕ МИХАИЛО-АРХАНГЕЛЬСКОЙ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ

Главный редактор: священноархимандрит Иринарх
(Денисов)
Ответственный за выпуск: протоиерей Евгений
Саранча

Дизайн и верстка: Я. Хорева
Корректоры: Н. Яшина, П. Чистяков,
В. Каменская, С. Лукин
Фото: иерей Максим Мальцев, В. Разумов

Дорогие читатели, нижеайше просим вас после прочтения очередного номера нашего издания не использовать его ненадлежащим образом, памятуя о том, что в нем находятся священные изображения и надписания священных имен Господа Иисуса Христа, Пресвятыя Богородицы и святых угодников Божиих.

Если небрежением или по незнанию сделали что неправильно или неискусно, Вы, православные христиане, простите нас, Христа ради, да и Вас простит Господь Бог наш. Аминь.